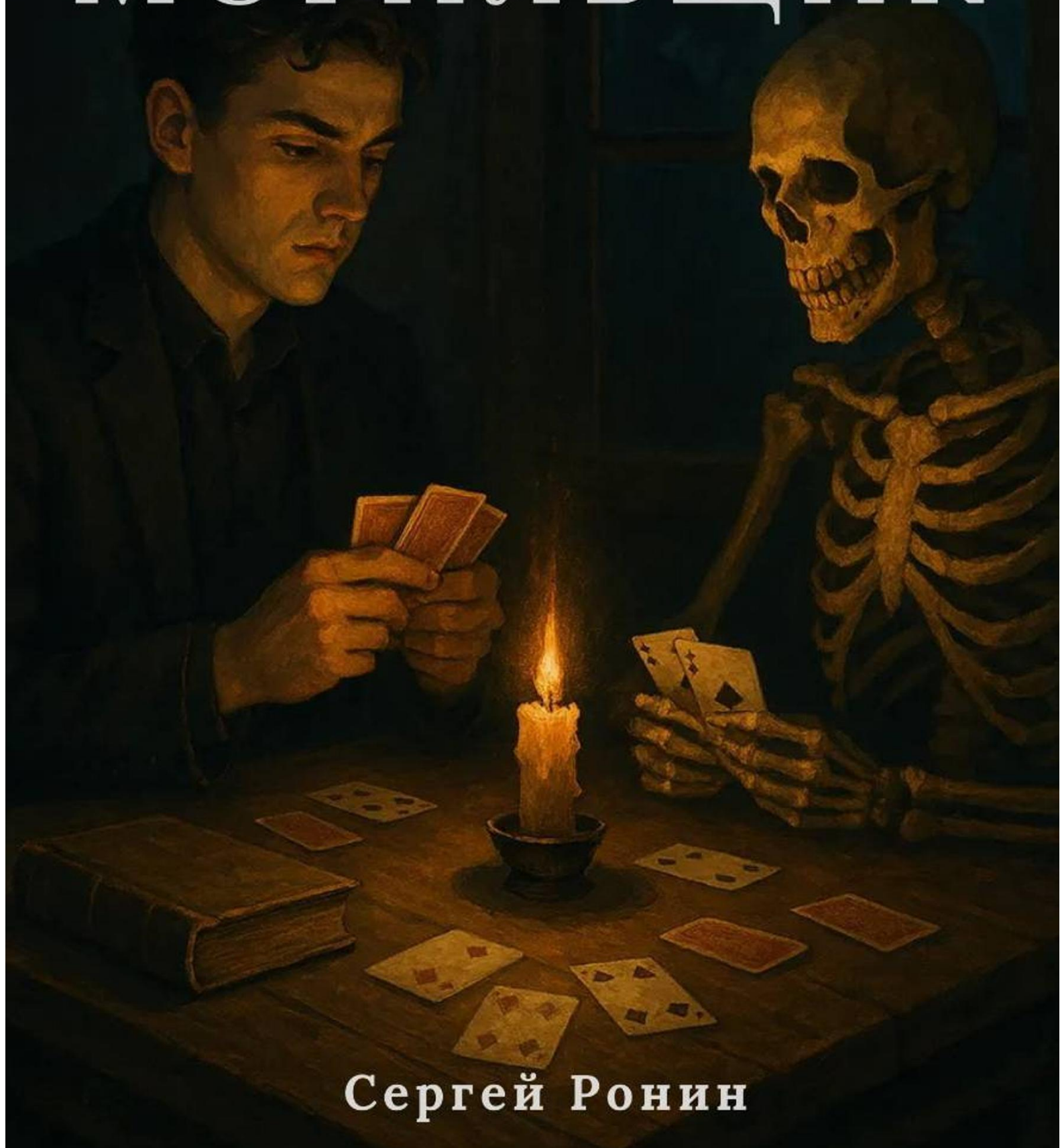

ПЕКАРЬ И МОГИЛЬЩИК

Сергей Ронин

Сергей Ронин

Пекарь и могильщик

«Автор»

2026

Ронин С. А.

Пекарь и могильщик / С. А. Ронин — «Автор», 2026

Ночью 20 декабря 1880 года, молодого офицера Виктора Арефьева смертельно ранят в первом же бою на войне с франками. Перед смертью ему является незнакомка и уговаривает в обмен на исцеление до конца жизни служить могильщиком на кладбище в уездном городе Орнаменске. В основе службы — строгий кодекс, по которому похороненные на том кладбище чисты от грехов и куда они попадут, в Небесные Кущи Всевышнего или Подземное Царство Рогатого, определяет могильщик, с помощью броска монеты. Спустя три года, в начале зимы, Виктора навещает незнакомка и обвиняет в нарушении кодекса, за что его ждет неминуемое наказание. Незнакомка готова помиловать, но за это обязывает до конца декабря предать земле 300 горожан. Виктор теперь бессмертен, при этом не способен причинить физический вред человеку, а потому сделать все можно лишь «чужими» руками. Теперь ему предстоит выбор: согласиться или все же остаться человеком и принять наказание

© Ронин С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Ронин

Пекарь и могильщик

Часть 1

Глава 1

Ночью в уездный город Орнаменск ворвался холод какого еще не помнили в ту зиму. Свирепая вьюга металась по опустевшим улочкам, яростно стучалась в двери и окна, в мгновение застилала белым одеялом все что попадалось на пути. На центральной площади, в канун новогодних гуляний порой и ночью полной народом, остался лишь один бедняга, кому не нашлось приюта в стужу. Он насилу брел через сугробы; непокрытая голова заиндевела, ветер щипал сквозь изодранный обер-офицерский мундир, накинутый на голое тело; в дырку на стоптанном сапоге набивался колючий снег. Лишь о малом теперь мечтал путник: поскорей добраться до спасительного очага да не сгинуть от холода.

Но в этом чужом городе никому и дела не было до его мучений, никто его не ждал и не встречал. Да, пожалуй, и во всем свете не нашлось бы теперь того, кто помнил его; словно в одну ночь стерлась всякая память о нем: об имени; о крепком стане под стать античному герою; о юном, гладком как наливное яблоко лице, к слову, вполне себе приметном, а уж особо впечатлительным барышням оно в свое время не давало покоя с самой первой встречи с ним.

* * *

Сразу за площадью началась широкая, снова безлюдная улочка. В свете единственного исправного фонаря показались двое и тут же замерли, издали приметив путника. Оба завернуты в овчинные тулупы, у одного трещотка в руке у другого дубина – ночные караульщики.

Путник понадеялся проскочить мимо; но те, как нарочно живо метнулись к нему и перегородили путь.

– А ну стой! – гаркнул тот, что повыше, – кто таков?!

Путник остановился.

– Язык к зубам примерз, служивый?! Отвечай, куда спрашивают! – прикрикнул второй – чуть пониже первого.

– К кладбищу на Черной дороге как пройти? – дрожащими губами процедил путник, обхватывая себя руками в тщетной надежде согреться.

– Куда-куда? – усмехнулся высокий.

– К кладбищу.

– Ты погляди на него! – подхватил низкий и добавил с издевкой, – и чего ж ты забыл там ночью да в такую метель?

– Я новый могильщик.

– Ступай проспись, дурак! – рассмеялся высокий.

– Во-во! – поддержал низкий, – будешь и дальше так за воротник заливать, к утру околешим в сугробе найдут. В карты продулся? – оскалился он, – а? Признавайся, подлец! Иль дезертир? Где у нас теперь воюют?

– А нынче, где только не воюют, – ухмыльнулся высокий.

– Так скажете или нет? А нет так отпустите, я ничего худого не сделал.

– Слушай-ка, да он вроде и вовсе не пьян, – подметил высокий, взглядываясь в лицо путника, – скажи-ка нам, пьян ты иль нет?

– Я новый могильщик! – нетерпеливо повторил путник, – и мне нужно на кладбище!

– Потише-поттише, а не то живо городского окликнем! – насутился низкий и погрозил дубиной, – бумага есть хоть какая? На улицах и без тебя бродяг хватает!

Путник окоченевшими пальцами достал из-за пазухи сложенный вдвое казенный глянце-вый бланк и протянул низкому. Тот подхватил его и, едва справляясь с ветром, принялся читать:

– ...По указу Его Императорского Величества... По докладу Высочайшего Сената... Отставного поручика Виктора Арефьева... По его собственному изъявлению принять на гражданскую службу... В чине кладбищенского смотрителя...

Размашистая подпись и сенатская печать вполне удовлетворили низкого, он вернул бланк.

– Что за чин такой диковинный... – задумался низкий, а высокий только недоуменно пожал плечами, – неужто и впрямь в подмогу нечестивцу явился?

Виктор кивнул.

– Поди с самой передовой пешкодралом чешешь? – не унимался низкий, – погоны то, где потерял, поручик? Ты, знаешь ли, кому хошь заливай, но признайся, что шинельку с кушаком в карты слил? В мушку поди иль фараона?

Виктор промолчал.

– Да пусть себе дальше чешет, – смягчился высокий, – околеет так околеет, не наша с тобой забота. А беды от такого птенца замершего уж точно не жди, кем бы он там ни был: хоть могильщиком, хоть свинопасом. Проваливай!

– А Черную дорогу найдешь если через два квартала направо свернешь сразу после колокольни и до упора пройдешь – кладбище в самом конце улицы. Ту угрюмую башню даже в темноте издали заметишь. Этот злодей по ночам мертвяков своих оживляет и в преферанс с ними режется. Пр заметишь огонек в окне на самом верху, значит очередного бедолагу закапывать приволокли.

– Болтай кому другому! – отмахнулся высокий, – этим байкам даже самая глупая баба не верит, а ты уши развесил; еще скажи, что он их выкапывает чтоб в картишки перекинуться...

Виктор оставил их и побрел искать Черную дорогу.

* * *

Вьюга не утихала, будто нарочно хлестала все сильнеей точно заговоренная. Виктор падал порой, поднимался насилу, стряхивал налипший снег и, считай вслепую, ковылял дальше. Горожане по-прежнему прятались в своих натопленных берлогах – неприметные деревянные домишки, полусгнившие бараки с кривыми, а то и заколоченными окнами, бесконечной вереницей сменялись один за другим. Виктор, уже свирепея что наверняка свернул не там, уткнулся наконец в указатель на Черную дорогу.

Улица кончилась кованым забором с острыми пиками, за ним стена из сосен и башня. Та и впрямь оказалась необычайно высокой и столь же мрачной, даже для кладбища; будто черный каменный столб вырвался из самых потаенных недр земли и устремился к небесам. Наверху огонек не горел как предсказывал караульщик, а вот за окном нижнего этажа колыхался тусклый свет.

Виктор миновал ворота, пробрался по засыпанной снегом дорожке ко входу в башню и заколотил в дверь насколько оставалось сил. Минуту спустя щелкнул засов, дверь открылась. Обдало долгожданным, оттого вдвойне приятным теплом. На пороге показался заспанный хозяин в одном исподнем – далеко не старик хоть и седой, высокий плечистый, но меж тем лицом сух и изнеможден.

– Что ж ты гостей на морозе губишь, злодей?! – проворчал Виктор, – скорее не мог?!

– Чего тебе? – недовольно вытаращился хозяин, подрагивая от ледяного сквозняка, – если копать надобно, утром приходи – по ночам заказы не принимаю.

– Могильщик я... Новый, – устало выдохнул Виктор, смахивая с лица талый снег.

– Кто-кто? – пугливо улыбнулся хозяин.

– Да пусти уже! – нетерпеливо буркнул Виктор, – не видишь околел я?!

– Проваливай! – рассвирепел хозяин, – если тебе, прощельге бездомному, ночлежка надобна, в церковь ступай! Ишь придумают чтоб дармовым теплом разжиться!

Виктор протянул хозяину бланк с сенатским указом.

– На, читай!

– Какой мне писульки твои?!

– Читай, говорю!

– Еще чего! Проваливай по-хорошему!

– Не умеешь что ли? Самому прочесть?

Уязвленный хозяин бегло изучил бланк, помрачнел и, пытаясь хоть что-то из себя выдавить, смял его и бросил на пол. Руки его заметно затряслись.

– Ну вот еще! – шикнул Виктор, – официальный документ все-таки. С печатью гербовой.

– Значит... – нерешительно заговорил хозяин, заискивающе заглядывая Виктору в глаза, – значит и впрямь новый?

– Ну а что ж я тут тебе талдычу почем зря?! Как есть новый. Пустишь теперь или нет?!

– Не может того быть! – вновь осмелел хозяин, – передай *ей* что я не прочь еще поработать, – добавил он, всматриваясь в темноту, будто кого-то выискивая, – а сам уходи скорее.

– Брось причитать! Я ж тебе услугу оказываю: от этой примерзкой должности избавляю. Радуйся!

– Радуйся?! – гневно выкрикнул хозяин, – радуйся?! – повторил он с еще большей яростью.

– Еще бы, в кабак сходи или лучше трактир – надерись как следует, пожри от пуза, – да судя по твоей роже прокисшей, не мне тебя учить как весело гулять.

Хозяина пошатнуло.

– Нехорошо... – в изнеможении прошептал он, схватился одной рукой за сердце, другой вцепился в воротник мундира Виктора и, глянув глазами полными страха и мольбы, повторил, – плохо... – затем, обмяк и рухнул замертво.

– Этого еще не хватало! – брезгливо проворчал Виктор. Убедился, что хозяин не дышит, подхватил за руки и протаскил внутрь; тот хоть и казался худым, но на деле был тяжеленным как мешок с камнями. Оставил его у стены; лицо все еще перекошенное ужасом, прикрыл первым попавшимся под руку тряпьем.

* * *

Сбросил оледеневшую одежду и поспешил к камину. Согрелся, бегло оглядел новое пристанище. Собственным углом он так и не обзавелся и почти всю недолгую жизнь провел в казармах, потому горящий камин да кровать хоть и дряхлая с виду, его вполне удовлетворили; а письменный стол с парой вычурных резных стульев, такой же шкаф с сундуком, пара плетеных кресел у камина, и всевозможное барахло, повсюду раскиданное хозяином, казались барским излишеством. Логово могильщика многим походило на пропахший кислым запахом винный погреб с холодными каменными стенами, деревянными сводами и паутиной по углам, даже пара бочек стояли у стены, но судя по отзвуку от постукивания те пустовали, видимо хозяин их давно вылакал. Под винтовой лестницей что уходила высоко наверх покоилась солидная кучка бутылок, среди них нашлась лишь одна нетронутая – коньячная. Виктор откупорил ее поско-

рее, жадно присосался к горлышку и хлебал пока не поперхнулся. Откашлялся, отдышался, приятный жар теперь уже полностью овладел им.

Заметил вдруг, что рука хозяина будто нарочно одернулась в сторону, ладонь сжимала смятый листок бумаги. Виктор с усилием разжал окоченевшие пальцы мертвеца – по полу пока- тилась монета. Поднял ее, покрутил: медная, крупная, старинная; множество мелких зазубрин, вмятин; явно ручной чеканки; одну сторону безобразил рогатый череп с ядовитым оскалом, другую украшал веночек. Монету пока положил в карман и вернулся к листку. Разгладил его, удивленно пробежался глазами – вне сомнений, мгновение назад это был бланк с сенатским указом о его переводе, в порыве то ли ярости то ли отчаяния смятый и брошенный хозяином у порога. Тот же по-женски аккуратный почерк, подпись, знакомая клякса от чернил навроде полумесяца, только слова совсем иные:

Кодекс Могильщика.

Чти мертвых больше чем всякого живого – теперь они чисты!

Каждый раз, дабы завершишь таинство погребения, поднимайся на чердак и помогай определить место усопшего.

Помни! Служба твоя – не судить, а лишь объявлять: кому «Вниз» кому «Вверх»!

Случай твой соратник. Для Определения вступи в книгу имена усопших, для каждого зажги свечу, опусти монету в чашу и дай случиться Великому Правосудию.

Службу свою храни в тайне, работай в одиночку, живи скромно и смиренно принимай плату за труд какой бы та ни была.

Отныне Филимонова башня твой дом. Все что за пределами города Орнаменска для тебя запретные земли.

Служба завершиться вместе с жизнью, когда к тебе явится новый Могильщик.

Последнюю строку Виктор перечитывал вновь и вновь пока невесть откуда взявшийся сквозняк не вырвал бланк из рук. Виктор поймал его, взглянул, но на место кодекса вернулись казенные слова сенатского указа.

Спину вдруг обдало ледяным дуновением – Виктор испуганно обернулся, замер. С минуту вслушивался в тишину, но так ничего и не расслышал кроме треска дров и вьюги что неистово рвалась в окна. Постоял так недолго, глотнул еще коньяка и рухнул в кровать, еще не остывшую от тепла хозяина; укутался в одеяло и мгновенно уснул.

Глава 2

К утру вьюга угомонила, выглянуло солнце, но крепкий мороз никуда не делся; Виктор первым делом разжился у хозяина теплой одеждой. Наряжался тот незатейливо: облезлый тулуп, шапка да валенки — всё неказистое, до дыр поистертое; в таких лохмотьях он немногим отличался от обыкновенного босяка, но привередничать не стал, главное одежда пришлось в пору разве что валенки чуть великоваты. Следом выволок хозяина на улицу и уложил в сугроб — судя по запаху, природа уже начала брать свое; да и не терпелось поскорей его закопать. Едва ли его спохватятся, а потому звать пристава, везти в морг на установление причин смерти, а уж тем более на опознание родственниками, резона не было.

Прогулялся по кладбищу — посмотреть владения и подобрать для бывшего хозяина, как никак собрата по ремеслу, местечко поживописней. Снегу навалило чуть ли не по колено — пробираться порой приходилось тяжело. Кладбище казалось бескрайним: длинная узкая дорожка, скованная по обе стороны хлюпким заборчиком, вела прямо от башни, разрезая надвое необъятное слепящее глаза поле; из сугробов безо всякого порядка торчали кривые кресты, сбитые порой из двух досок или веток; ни одного памятника или статуи, не говоря уже о фамильных склепах: полусгнившие отметины — по-другому и не назвать. Едва ли тут прилег кто из знатного рода, наверняка сплошняком бедняки или бездомные, для которых не нашлось денег на место поприличней, а то и вовсе уголовники, от кого отреклись родственники. Покойник порядочный или тот у кого кошелек потолще завсегда предпочитал отдыхать поближе к церкви, а этот «нечестивый погост» находился на городском отшибе и от праведных алтарей далеко, во всяком случае на горизонте куполов не наблюдалось.

Дорога оборвалась у подлеска, за ним только угрюмые сосновые дебри. «Вакантных» мест нашлось предостаточно, Виктор присмотрел уютный закуток подальше от остальных могил и вернулся к башне — захватить из сарайчика, что видел неподалеку от башни, лопату и лом на случай, если земля сильно промерзла; там же подобрал гроб коих хозяин припас по меньшей мере двадцать (любопытно стало откуда их столько взялось: может родственники передумали, а может покойник ни с того ни с сего воскрес, что называется, «прямо под лопатой?» А скорее всего просто-напросто приторговывал). Копать пришлось долго и муторно, лом едва выручал, а с непривычки приходилось делать частые перерывы. Однажды во время учебы в кадетском корпусе уже приходилось копать могилу одному важному генералу и кое-что из премудростей этой науки еще помнил, но все равно ощущал себя недостойным даже звания дилетанта; то было наказание за провинность, за которую едва не заплатился отчислением, но тогда помогали сокурсники, а копать в одиночку сил не хватало.

В перерывах садился в яму, облакачивался на стенку и устало вытягивал ноги. Думы о туманном будущем, так или иначе сводились к воспоминаниям о непростых, но все же развеселых днях в училище и бывших сокурсниках. Как они там? Где теперь? Живы еще?

В марше училища значились высокопарные слова: «Во славу отчизны мы грудью встанем!». Все годы обучения кадетов готовили к схватке с врагом, и почти каждый из них мечтал поскорее показать себя на поле боя. Выпуск как раз пришелся на гремевшую второй год войну с франками — мерзкими картавыми ублюдками, не иначе как вздумавшими одну половину земного шара вырезать под корень, а другую поработить. Шли ожесточенные бои — «места всем хватит!», как весело подначивали старшие офицеры. Виктора, как одного из лучших выпускников, прикомандировали поручиком в именитую артиллерийскую бригаду; но вместо лихих сражений и наград — унижительный разгром в первой же схватке. Быть может, стоило остаться там: раненым на поле боя и умереть, как подобает солдату, а уж тем более офицеру, но не соглашаться на эту авантюру? Она — ослепительно красивая барышня в черном меховом пальто — явилась будто из неоткуда и протянула руку, пока он плутал по лесу в кромешной тьме, исте-

кая кровью; понимая, что уже не дойдет до своих и не найдет помощи, принял ее условие: служить могильщиком до конца своих дней без права покинуть пост.

Жизнь он вырвал из цепких лап смерти, от раны остался лишь уродливый шрам, но все чему учили ту самую жизнь в миг пошатнулось, долгое и тягучее поглощение военных дисциплин оказалось напрасным, более того бесполезным, раз теперь единственное что от него требовалось – копать ямы; вместе с тем чувствовал себя преданным и брошенным. А иначе и быть не могло – кадетов учили многим наукам, даже бесполезным танцам, но наука убивать врага для них стала самой важной и почитаемой. В учебных классах привилось особое отношение к человеческой жизни, офицеры-преподаватели твердили о ее никчемности, она обесценилась и своя, и чужая. Такому кадету-выпускнику веля уничтожить врага – он, еще зеленый и смерти не видавший, выученный выполнять приказы без промедления, не пощадит ни раненого ни молящего о милосердии. Франки, совращенные речами красноречивого диктатора – озверелое стадо, не люди уже; жалеть их слабость, а стало быть, трусость что наравне с предательством. Этой нелепой иронии Виктор улыбался порой, а чаще приходил в ярость оттого, что все это стряслось именно с ним, а не с кем-нибудь из сокурсников, кому военная служба не казалась такой уж почетной, для кого она всего лишь вклад в будущие привилегии.

А ему, в этой глухой тишине и покое, мечталось вновь попасть на фронт — доказать, что он вовсе не трус и, уж тем более, не предатель; что не прячется пока братья умирают бравой, но страшной смертью. На их счету уже наверняка немало, уж во всяком случае скоро будет, а ему и «поубивать» толком не успевшему, придется за то, что спасовал перед лицом неминуемой гибели до конца дней чтить и обхаживать мертвецов.

* * *

Яма, ценою взмокшей одежды и невыносимой боли в пальцах, была готова; глубиной много меньшей, чем для генерала, но и так сойдет, решил уже обессиливший Виктор. Чуть передохнув, попытался протащить хозяина к могиле прямо в гробу толкая вперед по снегу как на санях; но быстро поняв, что даже полон сил едва бы сдвинул его с места, приволок хозяина и гроб по-отдельности.

Возле могилы уложил хозяина в гроб и после того долго раздумывал как теперь в одиночку спустить его в яму, да так чтобы не перевернуть и не расколотить гроб ненароком. Ничего не пришло в голову кроме как снова вытащить хозяина и оставить пока на снегу, сперва опустить гроб, затем аккуратно перекатить туда и самого хозяина. Лег тот не очень уж аккуратно, пришлось спускаться и укладывать как следует. Напоследок укрыл крышкой, подивился что неведомым чудом все вышло без накладок, постоял молча с минуту, но так и не подобрав прощальных слов, закопал. Воткнул крест, наспех сбитый их досок и гвоздей, постоял еще недолго и вернулся в башню.

По лестнице поднялся на чердак. В его тесноте уместились лишь стол напротив просторного оконца и стул; на столе чернильница с пером, раскрытая амбарная книга, исписанная именами и датами, свечной огарок, огниво и странная деревянная коробочка с крохотным рычажком посредине и металлическим блюдцем, нахлобученным сверху.

Сел за стол, зажег свечу. Повертел в руках коробочку, подергал рычажок – тот не двигался даже если надавить посильнее, само блюдце было накрепко присоединено к коробочке.

– А звать-то его как же? — осенило вдруг, — хоть бы подсказал, прежде чем окочуриться, бесстыдник!

Пододвинул книгу, взял перо и вписал наудачу:

«Бывший, а ныне почивший Могильщик уездного города Орнаменска, Орнаменского уезда, Кольмской губернии.

20 декабря 1880 года».

Следом положил монетку в блюдце и дернул рычажок – на этот раз блюдце резко отпружинило и тут же вернулось на место, монетка закружила в воздухе и упала на стол черепом кверху, огонек свечи затрепыхался и потух.

– Видать сработало, – выдохнул Виктор и спустился вниз.

Не прошло и часа как в дверь постучались – служба началась...

* * *

Первые недели прошли, по счастью, в сравнительном покое: работать приходилось редко, январские морозы миновали, порой наступала долгожданная оттепель – копать становилось чуть легче. Как и думалось, никому и дела не было куда подевался прежний могильщик; справлялись только отчего такому молодому и видному не нашлось занятия поприличней. Виктор всякий раз отвечал, что прежнего перевели на службу в столицу, мол, на повышение пошел, а его прислали на замену из выдуманной им «Имперской гильдии ритуальных услуг». Ему непременно верили – кладбище и впрямь оказалось либо для горожан сомнительной репутации, либо для полнейших бедняков – народу простому, думать о столичных гильдиях не привыкшему (многие слово такое если и слышали, но чего оно значит знать не знали). Таких покойников порой и не отпевали даже, привозили на катафалке прямо из морга, и оставляли на поруки Виктору.

О кладбище ходила молва как о месте, что лучше обходить стороной; притом никто толком не мог объяснить почему: так уж с испокон веков сложилось. Никакой мистики там не случалось, волки на полную луну не выли, а постояльцы вели себя, как и положено: тихо и мирно. Всё больше сетовали на башню: богобоязненным горожанам та виделась некой чертовой обителью, пристанищем для всей местной нечистой силы, хоть и доподлинных доказательств на то не приводили. Филимоновой ее никто не звал, удивлялись откуда Виктор такое выдумал; как она появилась, кто и зачем возвел никто не знал, ровно, как и само кладбище, будто стояли они там с самого дня сотворения мира. Сколько ни пытались снести ее, а кладбище сравнять с землей, так ничего и не вышло – ни один городской голова не решился встать наперекор «темным силам». Порой и вовсе казалось, что город сам по себе, а башня с кладбищем сами по себе; даже церковь с могильщиком дел не имела, будто не замечала. Более того, чина кладбищенского смотрителя никогда не существовало в Имперском табеле, но в болоте Орнаменской бюрократии внимания на то не обращали и Виктору неуместных вопросов не задавали.

* * *

Всякий раз, перед тем как предать земле покойника, Виктор выполнял свой незатейливый ритуал, а об истинном его предназначении старался не думать, пытался хоть немного сохранить веру в старые догматы, по которым место в загробной жизни подбиралось по поступкам, а не по велению случая.

Дохода служба считай не приносила – по устоявшейся традиции хоронили на этом кладбище даром; ни цветов, ни памятников не заказывали, и о благосостоянии могильщика не заботились, а потому жить в первые дни приходилось почти впроголодь; «наследства», кроме той единственной бутылки коньяка, хозяин не оставил, да и испарилась она уже к вечеру следующего дня. К счастью, после похорон нередко перепадало угощение: соленья, хлеб, но чаще выпивка; а если кто раздобылся на пару другую копеек Виктор захаживал в самый простецкий трактир – от души поесть и за рюмкой другой выветрить из памяти бесконечные слезы и рыдания родственников, от которых с непривычки казалось, что вот-вот спятишь.

В то же время пожаловал к церковным копателям – искать профессиональной мудрости. С ними поладил сразу: верно угадав, что больших пьянчуг в городе не отыскать, заявился к ним с подходящим гостиним: четверть пшеничной водки что досталась от одного необыкновенно щедрого клиента. Копатели моментально полюбили его, сделали почетным учеником, после чего он изредка приходил к ним за советами и всякий раз с достойным угощением. Научили многому: каких размеров рассчитывать яму, так чтобы всякий гроб уместился; особенностям сезонного копания: зимой, например, посоветовали прогревать землю кострами; как в одиночку опускать гроб с помощью ремней или лебедки, хоть и советовали всегда брать сподручных – дело это непростое и беспокоить усопшего своей нерасторопностью не следует (при том сами помогать не спешили – прямо заявляя о своем боязливом недоверии к башне и кладбищу); наказали поскорей заручиться поддержкой гробовщика, и подсказали того кто щедрее остальных платил за приведенных клиентов.

Как-то раз в башню нагрянул самый молодой из копателей – Яшка, долговязый белокурый увалень, здоровый как бык; хоть и не особо смысленный, но дело свое знал на отлично, копал за троих без усталости, оттого среди остальных собратьев по ремеслу пребывал в авторитете. Яшка предложил весьма прибыльную халтурку: «уважить», как он выразился, одного жмурика, но «по-тихому», чтобы и следа не осталось. Намекнул что люди за той просьбой стоят важные и отказывать им только себе во вред, да и предыдущий могильщик всегда выручал. На церковном кладбище промышлять таким – грех и уголовное преступление, оттого копатели мараться в тех мутных делах не торопились. Виктор же согласился без раздумий, с тех пор время от времени подсеял к себе «левых» постояльцев.

Раз в месяц получал жалование: в почтовом ящике, что висел на кладбищенских воротах, в письме от неизвестного адресата лежали двадцать рублей. Награда скромная до неприличия: такую либо промотать в карты в один присест, прокутить за ночь, либо кое-как жить до следующего письма, питаюсь хуже батрака у скупого хозяина.

Мало-помалу Виктор уверенно освоил новое ремесло и вскоре служба «кладбищенским надзирателем» стала обыкновенной рутинной, но денег по-прежнему не хватало. Переменилось все с визитом одного горожанина – весьма важного, надушенного, закутанного в дорожное пальто с соболиным воротником. Им оказался состоятельный чиновник из канцелярии. Хорошил, как ни странно, любовницу – совсем еще молоденькую красавицу из местного дома терпимости; страдал безмерно и по лицу было видно, что пил. На вопрос о том, чего же не пошел на кладбище при церкви (располагалось оно на другом конце города), ответил, что «таких» там не жалуют, а после поведал о старинном почти забытом поверии, о котором горожане, особенно до крайности богобоязненные, старались вовсе не упоминать дабы не прослыть еретиками. Говорилось в том поверии что души тех, кого хоронили на западной стороне от башни в независимости от прижизненных заслуг попадали в Небесные Кущи Всевышнего; тех, кто находил покой на восточной, отправлялись в Подземное Царство Рогатого. Чиновник оказался из суеверных и для перестраховки предложил щедрый гонорар за то, чтобы любовница покоилась на западе, даже соседство с оборванцами его не волновало; не страшился он и церковных гонений за свое богохульство и жульничество. Виктор обычно выбирал места по своему усмотрению или не предавая тому значения, соглашался на просьбы родственников, но теперь стало ясно чего вдруг если кто и выпрашивал место, то непременно на западе. Вспомнилась одна одинокая заплаканная тётка, та просталась с мужем, как оказалось, убийцей – прилег он на «правильной» стороне, как и просила, но выпал ему череп.

Виктор не отказал чиновнику и с тех пор пристрастился подсеять к беднякам соседей состоятельных или для кого находились достойные покровители; убеждал суеверных клиентов в истинности городских поверий: риск в этом деле как утверждал – лишнее, а деньги пойдут на благое дело, на какое именно не уточнял, либо говорил, что на починку заборчика вдоль дорожки и установку оградок. Соглашались немногие, но и этого хватало на сытую лихую

жизнь, о которой совсем еще юная душа военного когда-то и помыслить не смела, будто вместе с деньгами в миг открылись все потаенные и недоступные соблазны этого мира.

Виктор сменил наконец хозяйские обноски на выходной костюм с пальто подходящих его профессии черных оттенков, а причесывался теперь только у лучшего городского цирюльника. Понемногу кладбищенская рутина совсем перестала душить и даже условие не покидать город не казалось невыносимым. Благо суеверной клиентуры хватало, Виктор стал завсегда-таем лучших трактиров и борделей, заполучил в них славу местного любимца что не прочь угостить всех до единого пьянчуг, набившихся в тесные залы очередной забегаловки, душой любой компании, не в пример прошлому могильщику – нелюдимому и мрачному ворчуну. Но крепких друзей так и не нажил, разве что кое-каких мимолетных приятелей – по большей части студентов из местной Академии художеств, с которыми кроме как в питейных заведениях почти не общался; те любили его не столь за щедрость, а за близость с экстравагантной, темной и оттого вдвойне притягательной персоной как могильщик; всякую встречу требовали от него новых историй о людях что приходили к нему, сам он порой и знать не знал о судьбах своих постояльцев, оттого бывало и привирал для эффекта. Остальные горожане кому чужд разгульный отдых старались его не замечать, либо поскорей забыть после вынужденного знакомства.

Так пролетели три года: днем слезы и горе, ночью кутежи и веселье. За то время питейных заведений в городе заметно прибавилось, мало того захаживать в них перестало считаться зазорным и если раньше там околачивалось лишь отребье да неприхотливые студенты, то теперь ими не брезговал и народ побогаче, даже чиновники высших мастей – отсюда и денежной клиентуры прибавилось. Даже пришлось по их просьбам кое-что облагородить на кладбище (опять же за достойную плату) – чтобы, приходя навестить усопших, они не чувствовали себя неуютно. Виктор и впрямь починил заборчик, для «особых» выделил огороженную зону на западе; старые забытые могилы расчистил, кресты кое-где починил, а то и заменил на новые.

Глава 3

Последнее время Виктор предпочитал трактир «Черная дорога» что с год назад открылся неподалеку от кладбища – там почище, попросторней, пахнет будто посвежей, да и публика собиралась самую малость попрличней; а главное не нужно всякий раз на хмельную голову тащиться в башню через весь город.

Под вечер гостей в «Черную дорогу» набилось как соленых огурцов в бочку. Половые в засаленных рубахах носились по залам точно ошпаренные, не успевали обслуживать истомившихся без внимания пьянчужек. Гуляли напропалую; праздник не праздник, там каждый вечер что-нибудь да отмечали, а если подходящих событий в календаре не находили, придумывали сами: сын родился у местного плотника – чем не повод?

В первом зале, окутанном туманом табачного дыма, играли в бильярд и карты; во втором, под гармонь и танцы пили и набивали животы всевозможной снедью – кому на что денег хватало. Несмотря на мрачную вывеску, с намеком на угрюмое соседство, тихий распорядок здесь не выносили: «Тут вам не кладбище!» – ругал трактирщик всякого кто по его разумению заскучал и не поддерживал всеобщего веселья. «Пей иль выметайся! Выпил – еще налей! Не хватило – добавь! Заливай пока ноги держат!» – требовал он от гостей, а те в свою очередь старались не подвести строгого хозяина и порой доводили себя до сокрушительного безобразия.

Виктор, к позднему вечеру уже в изрядном хмелю, играл в бильярд с каким-то тощим студентом-очкариком, имени которого так и не запомнил. Продул в чистую; опечаленный неудачей, под едкие смешки приятелей отшвырнул кий, рассчитался с победителем и побрел к столу. Бильярд освоил еще в училище и по праву считался одним из лучших игроков, потому и в Орнаменске равных себе не признавал; и теперь играл часто, как правило не зная поражений, оттого завсегдатае трактира на деньги уже не хотели с ним связываться. Виктор давно приглядывал достойного соперника со стороны, но едва такой явился, смахнул корону с головы, он тут же пал духом и в одночасье погрузился в неизлечимую меланхолию.

Пригладил неудачу кружкой пива, посидел безучастно с приятелями и потянулся к выходу, отмахиваясь ото всех, кто упрашивал остаться.

* * *

Моросило, воздух пропитался промозглой прохладой, небо затянуло грозowymi тучами. Виктор поспешил к башне в надежде поскорей улечься спать и позабыть позорный разгром. Путь пролегал через тесный по обыкновению безлюдный переулочек, что выходил на Черную дорогу. Трактир хоть и окрестили в ее честь, но она свое имя получила вовсе не за счет мрачного соседства с кладбищем, как полагали многие горожане, а за богатую черноземом почву на которой стоял город, ту самую что теперь смачно хлюпала под ногами размокшая от осенних ливней. К слову, и само кладбище вместе с могильщиком чаще всего звали «Черными» – фантазией горожане не отличались.

Посреди переулочка от стены отпрянул коренастый детина в поношенном сюртуке и картузе со сдвинутым на глаза козырьком.

– А ну стой! – прошепелявил он Виктору.

– Чего ты там бормочешь, бродяга беззубый? – ухмыльнулся Виктор, не сбавляя ходу.

Принятое на дорожку пиво вернуло шальной настрой. Очкарик разозлил его до той крайней степени что хотелось что-нибудь расколотить, а то и вовсе набить кому-нибудь морду. За годы копания, мышцы его основательно окрепли – не терпелось пустить их в ход; казалось, любого готов растерзать – дай только повод, а тут еще и пиво подоспело.

– Стой, говорю! – перегородил бродяга путь.

– Да стою-стою, – остановился Виктор в двух шагах от бродяги, – чего тебе, болезненный?
– Карманы выворачивай коли жизнь дорога!
– А если и вовсе не дорога? – едва не прыснув от смеха, огрызнулся Виктор.
– Выворачивай, говорю! – стиснув зубы, процедил бродяга.
– Иди-ка лучше куда шел, без тебя тошно!
– Нож у меня! – полез в карман бродяга. Глаза его уже полыхали от злости.
– Испугал тоже! Резали уже, вот прямехонько сюда! – Виктор самодовольно похлопал себя в бок, – проваливай лучше откуда вылез!

– Полоумный ты что ли?! – оторопел бродяга, – убью ведь! – рывкнул он, размахивая ножом.

– Могильщик я, тронешь – беду на себя накличешь! Проклянута! – оскалится Виктор.

– Знаю каковой ты породы мерзкой, плевать мне на проклятия твои! Давно за тобой приглядываю – изучил какими дорогами ходишь и понимаю что денежки у тебя водятся. А сгинешь – в городе только чище станет!

– Научен с таким отребьем драться! В училище мне равных не было – и с тремя сразу управлюсь! Ну, погнались!

Виктор бросился на бродягу; тот резво отмахнулся – лезвие с хлестким свистом сверкнуло перед глазами. Юркнул в сторону, правой ударил бродягу по запястью – нож выскочил; в ту же секунду левой врезал в челюсть, но вышло совсем слабовато, хоть и бил в полную, казалось, силу. Пока бродяга замешкался, Виктор подобрал с земли нож и кинулся на него; замахнулся, целясь прямо в шейную артерию как учили на занятиях по рукопашной, но руку невольно отбросило назад. Бродяга успел лишь прикрыть лицо как Виктор замахнулся еще раз, снова невидимая сила предательски вмешалась, в третью попытку нож и вовсе вывалился. Бродяга, недолго думая, подхватил его и хищным выпадом вплотную приблизился к Виктору. Виктор растерянного глядел ему в глаза, все тело ослабло, почти парализовало, даже кулак сжать не вышло.

– Что ж ты в училище своем с ножом ладить не выучился? А бьешь-то как баба дохлая! – выкрикнул бродяга, – сюда говоришь?! – с ядовитым оскалом добавил и что есть сил заколотил Виктора ножом в бок. Виктор попытался было оттолкнуть его, но в глазах уже помутнело, руки обмякли, ноги подкосились – он рухнул и распластался на земле не в силах подняться. Затуманенным взглядом уловил как бродяга бросил нож; как наспех обшарил карманы пальто, вытянул что нашел и убежал прочь...

Глава 4

Тем же вечером, в неприметную пекарню что укрылась в Колодезном переулке неподалеку от трактира «Черная дорога» заглянул посетитель – что для столь позднего времени редкость. Самые «беспокойные» часы приходились ближе к полудню, едва начиналась продажа свежей выпечки. Чаще всего пекарню наводняли горожане с ближайших улиц, но, бывало, захаживали и из соседних кварталов: те, кому местная продукция особо полюбилась. Самая ходовая выпечка: хлеб, пироги и калачи разбирались мгновенно. Следом, время от времени, заглядывали за тем что осталось или сладостями; готовили их немного либо на заказ, как правило для состоятельных горожан кому хватало денег на сдобные сладкие булки, пряники и леденцы.

Пекарню держал бывший помещик, променявший размашистую во многом беззаботную столичную жизнь на кондитерское дело, сразу после того, как жена его убежала к другому – тоже помещику, но побогаче и помоложе. Его увлечение кулинарным искусством началось еще в детстве, много времени он проводил на кухне, наблюдал, помогал и даже советовал, несмотря на то что родители порой не разделяли его чудаковатых странностей. С тех пор мечтал открыть пекарню, где сам будет всем управлять и готовить; но родственники, ближайшее окружение, да и благородное происхождение сковывали его стремления. Во многом он даже оставался благодарным своей ветренной женошке – без ее предательства может и не решился бы. Прозябать в столице уже не хотелось, вся эта кутерьма и шум, от которых никуда не деться, его давно стали угнетать. Поместье и почти всё имущество продал, разорвал старые связи и перебрался в Орнаменск: в особняк, что раньше принадлежал матери, и долгое время пустовал или сдавался в наем; сразу после чего выкупил подходящее помещение и обустроил там пекарню.

Помещик, меж тем, имел солидный капитал на три жизни вперед и в деньгах не нуждался, а в новой работе видел прежде всего первейшую страсть и отдушину, оттого производство всегда оставалось скромным и прибыли почти не приносило, но пекарня тем не менее вполне себе процветала уже многие годы. Помещик оснастил ее наилучшей техникой, как то новейшей автоматической тестомешалкой, привезенной из-за границы, а обе печи соорудили по его собственным чертежам. Возили ему самую дорогую ситную муку, сахар, орехи, мед и всё прочее что требовалось для выпечки и кондитерки. Цех располагался в подвале, там всегда сохранялась строгая чистота и порядок каких не встретить даже в столице. Как ни странно, едва ли не все столичные пекарни содержались в таком срамном гадюшнике какого не застать и в самом захудалом свинарнике; а трудились там в основном оборванцы и пьяницы. Помещик работал либо один, либо с помощником, которого всегда выбирал тщательно и требовательно. Скажем, объявление о найме он вешал на столбе чтобы хотя бы грамотным был. Тем не менее приходили по большей части безграмотные, но, если кто из них приглянулся помещику, брал; но те не всегда задерживались – то подворовывали, то пили. Нынешний помощник – Петр Ложкин – работал уже третий год, что гораздо дольше всякого его предшественника.

* * *

Ложкин улыбнулся посетителю – он всегда встречал гостей приветливо, будь то бедняк что едва наскреб на самый простецкий пирожок без начинки, или как сейчас: помощник городского головы Котомкин – невысокий, невзрачный лицом, но меж тем крепкий, подтянутый, разодетый и постриженный по моде фронт лет двадцати пяти. Тот изредка захаживал с особыми заказами для семейства головы.

– Добро пожаловать, давненько-давненько! – тепло поприветствовал его Ложкин, – повезло вам, я уж закрываться собрался, – что будете? Леденцов медовых? Пастилы?

– Насколько мне стало известно, господин Ложкин, теперь вы владелец заведения? – как обычно строго отчеканил Котомкин, оглядывая Ложкина снизу вверх как статую на постаменте. Ложкин был необычайно высок, хоть и не особо складен; пшеничного отлива пальто под цвет волос едва скрывало худобу и сутуловатость; лицо с добрыми голубыми глазами даже для двадцати трех лет выглядело совсем юным и безобидным.

– Верно. Уже две недели минули, а все не верится никак... – тоскливо ответил Ложкин, – такая потеря...

– Для вас не такая уж и потеря, – ухмыльнулся Котомкин, оглядывая помещение, – если не ошибаюсь и кое-какое состояньице отхватили?

Ложкин кротко улыбнулся, но промолчал.

– С оформлением наследства проблем не возникло? – с прищуром поинтересовался Котомкин.

– Никаких. Юрист приезжал, всё подписали. Даже не пришлось в столицу возвращаться.

– Возвращаться? Не знал, что вы оттуда прибыли.

– Я... – замялся Ложкин, – верно... Оттуда...

– Вы скрытны, господин Ложкин, столько лет об этом никто не знал. Что же вас сюда привело?

– Всегда хотел пекарем стать, даже больше кондитером. Через общих с бывшим хозяином знакомых узнал, что в Орнаменске есть подходящее место.

– Неужели в столице не нашлось подходящего? Уверен подобные заведения разбросаны там чуть ли не на каждом шагу.

– Наш городок, конечно, не сравнится со столицей по числу пекарен, но на самом деле их там не так уж и много; вероятно, за три года прибавилось. Но боюсь там даже для начинающих требования слишком высоки, а устраиваться в абы какую пекарню не хотелось. Но если уж и начинать, то только у самого высококлассного мастера, так что я отправился в Орнаменск без раздумий.

– Надо надеяться качество продукции несильно пострадало после смены владельца? – снова строго продолжил Котомкин.

– Ни в коем разе.

– Сомнительно, – сощурился Котомкин, – насколько я могу судить по вашему рассказу вы до сих пор лишь подмастерье. Способны ли вы заменить прежнего владельца в полной мере?

– Все так – подмастерье, – спокойно ответил Ложкин, – но за три года я изучил кондитерское дело предостаточно, перенял рецепты, в том числе секретные, и без лишней бравады могу назвать себя мастером. Да и обстоятельства, скажем так, спешно вынуждают выйти из рамок вечного ученика. Ко всему прочему я уже успел получить разрешение гильдии на торговлю и теперь моей работе ничто не мешает. Вот только тяжеловато пока одному справляться, хоть и производство у нас небольшое. Но помощника подыскиваю; если кто есть на примете непременно рекомендуйте.

– Главное, чтобы наследство голову не вскружило.

– Уверяю: работа на первом месте – остальное вторично.

– Даже не знаю, – засомневался Котомкин, – вы же не забыли какую честь вашей пекарне оказывают, учитывая, что даже в нашем скромном городишке подобных хватает? И всё лишь по той простой причине, что снесь ваша весьма по нраву Павлу Степановичу и его детям. Но теперь, быть может, другую пекарню поискать стоит, с мастером поопытнее?

– Отчего же? – Ложкин достал из-под прилавка шоколадную конфету и протянул Котомкину, – попробуйте. Новинка! – радостно предложил он, – за мой счет!

Котомкин откусил немного, пожевал, поморщился нарочито кисло; откусил еще раз и наконец жадно заглотил конфету целиком. По глазам было видно, что ничего вкуснее он в жизни не пробовал, но скрывал как мог.

– Сойдет, – заключил он и облизнулся, – сможете еще лучше?

– А как же! – просиял Ложкин, – шоколадные конфеты, кстати, едва начали покорять рынки в Империи, и уже неслыханную популярность обрели. Но пока даже столичным сладкоежкам они порой не по карману, а вот нам с вами повезло и спасибо за то нашему мастеру – царство ему небесное. Уверяю, эти малыши вскоре мир перевернут! Возьмите еще, – протянул Ложкин кучку конфет.

– В таком разе примите заказ, – Котомкин взял угощение, взамен протянул бумагу и конверт, – пускай это будет выпускным экзаменом: приготовьте к пятнице. Выдаю его заранее чтобы ничего не мешало; если имеются другие – потесните. Также от себя добавлю этих ваших конфет. В конверте аванс как обычно.

– Благодарю, – кивнул Ложкин, пробежался по списку в заказе и тут же заключил:

– Будет выполнено в срок и в наилучшем виде!

– Очень на то надеюсь. Сумеете сохранить честь заведения, десерты ваши украсят торжества на двадцатилетие Аннушки – оно в начале декабря случится, так что у вас еще немного времени в запасе чтобы поднатореть. Она настояла на том, что это должны быть именно вы, Ложкин. Уж не знаю откуда у нее такие влечения именно к вам? – с сомнением, даже с некоторым укором отметил Котомкин.

– Скорее к нашей продукции.

– Это, конечно, ближе к истине, но раньше она ее прям уж так не хвалила.

– Стараемся. Возможно что-то особенно понравилось, кто знает? Мука в этом году необычайно хороша, говорят новейшие технологии теперь позволяют производить ее гораздо чище – выпечка и впрямь вкуснее выходит. Но в любом случае почту за честь! – уважительным кивком отметил Ложкин, – для дочери городского головы только лучшее, и обязательно угостите ее конфеткой от меня.

Котомкин на прощание отсалютовал по-военному и, чуть заметно прихрамывая, вышел. Ложкин выждал недолго и потянулся к выходу.

* * *

Едва высунулся на улицу как зябко поежился, поднял воротник пальто, хмуро глянул на предгрозовое небо и, не долго думая, зашагал коротким путем, тем, что по обыкновению выбирал, когда желал вернуться домой как можно скорей. Путем, не слишком почитаемым для вечерних осенних прогулок, когда к тому времени уже начинало темнеть, а улицу наполняли всевозможные сомнительные бродяги, среди которых больше всего докучали попрошайки кому не хватало на посиделки в «Черной дороге». Ложкин и сам порой не брезговал заглянуть в трактир, но все же в обычные дни старался держаться от этих мест подальше.

Жил он на другом конце города: в доходном доме, где снимал комнату. В наследный особняк пока не переехал, к великому удивлению хозяйки доходного дома – древней, но бодрой старушки, бездетной вдове благородных кровей. Та по-матерински любила его, но после обретения им солидного наследства принимала как равного; ни раз предлагала заселить в квартиру попримачней, но он всегда отказывался, объясняя тем, что в небольшой тесноватой даже для одного комнатенке чувствует себя гораздо уютней чем в квартире, не говоря уже об особняке, где и вовсе заблудиться можно, и всегда добавлял что как только обзаведется семьей, то непременно переедет, а пока и так сойдет.

* * *

Быстрым шагом Ложкин проскочил улицу, миновал «Черную дорогу» и свернул в переулок. Впереди, прислонившись спиной к стене дома, на земле сидел некто; голову опустил,

руки ноги раскинул в стороны точно безвольная марионетка, брошенная кукловодом. По соседству с трактиром такие встречи порой не редкость, и в иной раз прошел бы мимо, не тревожа сладкого покоя перебравшего пьянчужки; но заметив нож под ногами, брызги крови, едва скрытые сумерками, ринулся к нему.

– Да что же это?! – суетливо затараторил, – что случилось?! Чем помочь?!

– Уж не новый ли ты могильщик? – радостно прохрипел незнакомец, не поднимая головы, – я, знаешь ли, понадеялся сперва, что это тот: беззубый...

– Что за чепуха? – опешил Ложкин. На душе чуть отлегло оттого, что тот еще жив, хоть и в бреду похоже; видно, что страдает от боли, но держится, – вовсе нет. Пекарь я. У меня пекарня неподалеку.

Незнакомец насилу поднял голову.

– А ведь точно! – попытался он улыбнуться, – всякий раз если в трактире нашем сидишь, то втихую пьешь пока кругом кавардак бесноватый. Смешная у тебя все-таки фамилия для кашевара.

– Пекаря, – поправил Ложкин, – кондитера, если точнее...

– Да как скажешь. А хлеб я твой, честно признаюсь, не ел, но уверен он вполне съедобный, да и что за пекарь, который хлеб невкусный печет? Такого только плетью стегать.

– Пожалуй...

– Обещаю загляну на досуге в пекарню твою. У тебя ватрушки имеются? Страсть как ватрушки люблю.

– Ты же могильщик с Черного кладбища, если не ошибаюсь?

– Верно! А ты, Ложкин, иди-ка лучше куда шел, – мягко проговорил могильщик, – если караульщики заметят, как надо мной трешься в переулке темном – подумают неладное, а среди них смысленых не держат, так что либо сами дубиной огреют, а то и городского в подмогу позовут, а эти уж точно с тобой церемониться не станут и не докажешь потом откуда тут взялся. А со мной в порядке все – бродяга какой-то полоснул чуток, недели не пройдет как заживет. Ступай, а я передохну недолго да тоже пойду.

– Да из тебя кровь хлещет как из сита!

– Авось затянусь уже.

– Дай хоть до скамейки провожу, не дело в грязи лежать, – суетливо предложил Ложкин.

– Пальтишко да руки об меня только замараешь. Ступай!

– Врача бы...

– Ступай! – строго скомандовал могильщик и вновь уставился в землю.

Ложкин помялся недолго и зашагал, то и дело оглядываясь назад, порываясь вернуться.

Глава 5

Виктор, к своему изумлению, уже, пожалуй, слишком долго оставался в сознании для того, кого изрезали как свинью на бойне. Еще перед тем, как пожаловал Ложкин даже сумел найти силы доползти до стены чтобы усесться поудобней, но если до встречи с ним, каждое движение отзывалось нестерпимой болью, то сейчас казалось, что она вовсе ушла, силы стремительно возвращаются, а от тошноты и тумана в глазах уже не осталось и следа.

– Сто тысяч на кон ставлю, что шепелявый всю кровь из меня до капли выпустил. Да после такого сам черт бы откинулся, – прокряхтел и осторожно запустил руку под рубашку, ладонь осталась сухой. Суматошно ощупал бок, ни крови, ни боли – только грубые липкие рубцы.

– Опять за свое! И подохнуть как следует не дала, не соглашался же на сей раз! Последней радости лишила, ведьма! – рассмеялся, – крепко же когтями мерзкими ухватила, дьяволица – Рогатого невеста! Вот только пальтишко с сюртуком к портному теперь нести, будто мне и без того забот мало! – еще хлеще залился смехом и добавил, – проклиная! Проклинаю за то, что пальтишко мне испортил! – после чего посерьезнел, виновато полагая что на сегодня проклятий довольно.

Скоро окончательно оправился; резво поднялся, отшвырнул нож ногой и побрел к башне, попутно размышляя обо всяком вздоре, навроде если, скажем, пырнуть подобным ножичком пузо полное свежего пива: что больше прольется из него, самого пива или крови? Или есть ли предел сколько пива в то самое пузо может поместиться пока само не лопнет?

* * *

Вернулся в башню, растопил камин, выпил рюмку коньяка на сон грядущий, оттер от крови свежие рубцы и улегся в кровать. «За такую благодать любой солдат душу отдаст пока пули над головой свистят», – поглаживая шрамы, размышлял он новом будто в насмешку преподнесенном даре; но так и не решив, радоваться ему или нет, крепко уснул.

Посреди ночи проснулся оттого, что продрог до костей. Поднялся нехотя, подкинул дров в камин, потянулся было в кровать как замер, в удивлении потирая сонные глаза.

У порога мялся старик.

– Доброго здоровьяца! – подал он голос тихий и услужливый.

– Ты еще кто такой?! – отозвался Виктор, брезгливо осматривая странного гостя. За годы службы могильщиком повидал он всяких, но этот уверенно обгонял их в своей нелепой чудакватости. Лицом сер как луговой мотылек, вместо бороды сваянная мочалка, потрепанный овчинный тулуп вымазан в грязи, шапка набекрень и отчего-то только в одном валенке; чуть согнувшись как перед начальником высокого чина, спрятав руки за спиной, тот одаривал Виктора доброй заискивающей улыбкой. Меж тем за окном сверкала молния, хлестал дождь, но старик, как ни странно, совсем не промок. Своей жалкой полуживой наружностью он больше походил на дряхлого бродячего пса, которого всякий норовит пнуть при встрече, чем на человека.

– Жду вот, – кротко ответил старик и снял шапку, обнажив лысую как коленка макушку, – не решаюсь беспокоить...

– А зашел как?! Дверь же на засове! Запереть что ли на ночь запоматовал...

– Мне бы последний покой обрести, так сказать...

– Утром приходи – договоримся обо всем. А то вечер у меня дрянной выдался, не до тебя, – устало отмахнулся Виктор, подкинул дров в камин, потянулся было в кровать, но старик не унимался.

– Не имею возможности, так сказать. Днями-вечерами в лесочке почитаю.

– Как угодно. Место я выделю, можешь даже сам указать, пускай приносят. Есть кому поручить? Я копатель – за доставку не берусь. Уж во всяком случае даром, – брезгливо добавил Виктор, еще раз оглядев старика, быстро сообразив, что от такого голодранца и лишней копейки не добьется.

– Да есть-есть... Только я уж, того самого... Готовенький – сам пожаловал, – старик распахнул тулуп, явив зрелище до тошноты отвратное: сквозь прорехи в лохмотья изодранной некогда белой рубахи, проглядывалось дряхлое серое тело, вымазанное в грязи и запекшейся крови, на месте сердца давняя почерневшая рана.

– Черт тебя раздери! – попятился Виктор, хотел было перекреститься, но плюнул и одернул руку.

– Впервой что ль «бестелесного» видишь? – заулыбался старик снисходительной истинно стариковской улыбкой, припасенной в подобных случаях для молодых.

– Видал уже, – пугливо ответил Виктор и невольно оглянулся по сторонам, —только те куда страшнее да опаснее были.

– Немудрено! Тут небось всякого лиха насмотришься. Да вот только какой уж я опасный? Ну так чего скажешь, могильщик? Мне бы покой...

– Ко мне то за каким заявился? Как же я тебя закапывать стану, если ты дух бестелесный? Отправляйся куда «прикомандировали».

– Так ведь как прирезали меня разбойники с Фабричного, тут же в лес снесли и в сугробе спрятали. Так потом и не нашли меня да не захоронили как следует, а значит не определили. А душе, не пристроенной что покойничка покинула, известное дело, только к могильщику в башню идти надобно.

– Чего ж ты такого натворил что порезали? Не грабить же тебя оборванца?

– На то и разбойники что без повода могут, много ли им дуракам надо? Когда только всю эту плесень на Фабричном разгонют? – тяжело выдохнул старик, – я ж в столярной мастерской в Ремесленном переулке трудился пока живой был. Я хоть и старый, но руки золотые, да и жить на что-то нужно; так и думал, что пока не помру работать буду. А эти злодеи повадились в соседнюю прачечную ходить – девок молодых баламутить. Я замечание мордвороту ихнему сделал, чтоб прачку не трогали – совсем ведь еще девчонка. Посмеялись да ушли. А потом подкараулили и вот так одним ударом на тот свет, мол, не на того ты голос свой поднял. А уж накой в лес потащили, не знаю; перетрухали небось, что поймают; а так пропал старик и пропал, никто искать не возьмется. Вот так во та!

– Ох, старик-старик, поплатился ты за отвагу свою рыцарскую... И много вас таких поблизости колобродит? Мне по ночам спать приятно, а не с вами беспризорниками возиться.

– Хватает. Да только не все они шустро смекают в башню твою прийти. Кому месяц надобно, кому год, кому два, а кому и вовсе вечность откровения ждать приходится. Земля тут особая: все как ты говоришь «беспризорные» что в городе дух испустили, через тебя воочию пройти должны, иначе навсегда тут застрянут, а окромя тебя – могильщика значиться, – и проклятых, нас не видит никто.

– Каких еще проклятых? – насторожился Виктор.

– Да каких-каких? Тех, кого за смертный грех прокляли.

– А отчего до тебя никто не приходил? За три года ни одного.

– Кто ж его знает? Видать времечко не пришло. Погоди, авось еще пожалуют.

– Вот уж велика честь гостей таких встречать... Откуда ж ты все знаешь? – с прищуром ухмыльнулся Виктор, – это ведь до того ересь, что любой поп тебя за нее сам проклянет; да мало того в Тайную канцелярию тебя, дурака, сдаст чтоб за богохульство наказали.

– Да при жизни такого и подумать б не осмелился, не то, что кому рассказать, – перекрестился старик, – а тут – откровение! Шел себе шел по лесу как обычно, и тут огонек приме-

тил далече, ну думаю туда мне и надо топать. Пока шел всё видения да воспоминания ко мне являлись: и о тебе, и о башне с кладбищем. А огонек-то оказалось из башни твоей исходил, так она меня подманивала – как карася на блесну.

– А ты часом не от *нее* явился? – напрягся Виктор.

– От кого ж? – задумался старик.

– Ладно... – выдохнул Виктор, – не станем лихо поминать. Помогу тебе. Только б за это век ко мне никто из ваших не заявился бы.

– И каково оно там, в новом обиталище, так сказать? – боязливо поинтересовался старик.

– Не могу знать – моя забота распределять да закапывать. Вот скажи, старик, праведной ли жизнью ты жил иль безобразничал?

– Упаси, Всевышний! – снова перекрестился старик, – я ж сам то из крестьян, потом только в город перебрался – как вольную дали. Но жизнь свою честно и праведно прожил.

– Может убил кого? – лукаво спросил Виктор, – признавайся, теперь уж можно!

– Да кого ж? – перепугался старик, – разве что когда в деревне жил скотину, бывало, забивал, да и то не для себя, для барина.

– Что ж, по-твоему, скотину не грех? А человек чем лучше?

– Я-то не по злему умыслу, так сказать. По нужде.

– А мог бы распутничать по чем зря. Толку теперь от честности твоей? Скажи-ка, еще: долго ль дорогу ко мне искал?

– Поди год без малого. То зима была и сейчас вот-вот снег сызнова пойдет. Чай повезло что так быстро-то.

– А среди палачей твоих не было ли такого... Шепелявого что ли... Не знаю, как звать, – спросил Виктор наудачу.

– Тот самый и был. Молодой, а злой как собака бешеная – Нечаев вроде фамилия у него, а как звать не помню, Картавым всё больше дружки его окликали, подразнить чтоб, он аж хрипел от злости, а они хохочут. Уж не знаю откуда в человеке порой столько злобы найдется? И злоба-то все едкая дерзкая точно бес им управляет. Ты с ним лучше и не видайся даже, не связывайся и к приставу в управу не ходи, пуцай все как есть остается. Ему еще воздастся.

– Ох, не верю я в совпадения эти... – прошептал Виктор.

– Чего ты там говоришь? Какие такие совпадения?

– Уж больно их много, говорю... Останки-то твои, где лежат? Похоронить бы как следует. Родные есть кому о тебе доложить? До сих пор наверно плачут?

– Есть то оно есть, жена да дочь, взрослая уже, замужем; исстрадались небось без меня... Но ты не утруждайся – не помню я. Лес у нас большой, пока плутал по ночам, так и запомнил. Да там небось и не осталось ничего, кости одни; а так мхом порастет – вот и могилка мне будет, а земля она все равно свое возьмет.

– Как знаешь... Жди, старик, авось свезет. Звать-то тебя как?

Старик представился. Виктор поднялся на чердак, провел ритуал – выпал череп; а когда вернулся, старик уже исчез, в комнате заметно потеплело.

Виктор подхватил початую бутылку коньяка – скоротать уже наверняка бессонную ночь, уселся в кресло; но пару рюмок спустя, убаюканный теплотой камина, уснул.

Глава 6

Ложкина разбудил гром да такой свирепой мощи, о которой боязливо поговаривают, что это сами небеса обрушили разом весь свой праведный гнев на грешное человечество. Раскрытое окно нервно трепыхалось на сквозняке, молнии будоражили ночную темень, ливень водопадом врывался в комнату. Ложкин вскочил с кровати, прикрыл окно и снова лег, с головой укрылся одеялом, вздрагивал от каждого раската как от ружейного выстрела.

Гром как нарочно не утихал; казалось, подступает все ближе и ближе и вот-вот разнесет в щепки крышу; в окна застучался град – теперь уже совсем не спалось. Зажег лампу на прикроватном столике, уселся на край кровати и тоскливо уставился на миниатюрный портрет в деревянной рамке что висел на стене. Молоденькое личико, искусно воссозданное одним лишь карандашом, улыбалось ему, глаза ясные и светлые смотрели по родному нежно. Свой портрет подарила ему жена Лиза; пусть жена не по закону, но свадьба для них было делом решенным, хоть и в определенном смысле несбыточным. Встретились они на балу, когда Лиза вместе с семьей какое-то время гостила в столице. Не прошло и часа их случайного знакомства, они поклялись друг другу в вечной любви, что, впрочем, для совсем еще юных шестнадцатилетних сердец вполне свойственно. Уже на другой день после бала она уехала, с тех пор влюбленные не встречались, но часто переписывались. Тайком, через надежных посыльных – родители ее мимолетного увлечения всерьез не воспринимали, полагали что во всем виновата ее девичья ветреность и некоторая склонность к авантюрам. Ей – дочери богатого фабриканта знатного рода, по праву почитаемой за главную красавицу второго по значимости города Империи, пророчили мужа посолондней и куда состоятельней Ложкина – сына какого-то мелкого никому неизвестного чиновника хоть и столичного. Но влюбленных это нисколько не останавливало, а только сильнее горячило. Ложкин в одном из писем прямо попросил ее руки и обязался называть теперь не иначе как женой; в ответных строках она согласилась и тоже стала звать его мужем, вместе с тем направила ему тот самый портрет – навроде приданного. Ничего благоговения им не нужно, решили они – ни родительского, ни небесного; если два сердца поклялись друг другу в верности до последнего вздоха хоть и бы и чернилами на бумаге, то союз этот несокрушим и непререкаем.

Ложкин в письмах пылко, в мельчайших подробностях, рассказывал обо всем что с ним происходило, все больше об учебе в Москворецком университете, о ворчливых преподавателях, сокурсниках, любимых и ненавистных предметах и экзаменах. Но в последнее время в его рассказах все чаще проскальзывали откровения о бунтарских, антивоенных настроениях что витали среди студентов. Писал о них размашисто и решительно, хотя сам их не особо то и разделял, но уж очень хотелось щегольнуть несокрушимой отвагой перед возлюбленной женой, а ей как оказалось эта напускная бравада пришлась весьма по нраву. Все сильнее она проникалась бойкими антивоенными манифестами, всецело поддерживала их, а в последнем письме наказала ждать ее скорого приезда. На свое двадцатилетие, сразу как родители объявили, что подобрали ей достойную пару и распорядились готовится к смотринам, она сбежала из дома к Ложкину. Какой после того случился скандал оставалось только догадываться, но сколько бы родители ее не искали едва бы нашли. Родители Ложкина приняли Лизу без особых распросов и союз их благословили.

Встреча после долгого мучительного расставания, как и положено, вышла полной нежности и страсти. Целую неделю влюбленные не отходили друг от друга, не в состоянии провести и минуты в разлуке, не могли наговориться, насмотреться; но уже в начале следующей недели их трепетное уединение потревожили дурные вести. На столичной суконной фабрике работяги недовольные условиями труда устроили стачку. Вскоре к ним примкнула местная молодежь, всего набралось человек двадцать, в большинстве студенты – приятели-единомыш-

ленники Ложкина. Сам он побаивался той авантюры, считая себя скорее теоретиком, чем деятелем, но отступить уже было некуда дабы не прослыть трусом и предателем их общих убеждений. Лиза, как единственная среди них женщина, согласилась безо всяких сомнений. Ложкин хотел было отговорить ее, но пока оставил все как есть чтобы и перед ней не развеять своей репутации.

Недовольства на фабрике копились уже давно: еще до начала войны с франками – платили работягам мало, вкальвать при том приходилось часов по шестнадцать в день а то и больше; а тех, кто не справлялся или начинал возмущаться, нещадно били, а чаще всего выкидывали на улицу с пустыми руками – с людьми там расставались «без слез», место его тут же занимал очередной бедняга, как ни странно желающих батрачить за копейки всегда находилось в достатке. Как началась война все стало только хуже, платили теперь совсем гроши, а за всякое недовольство, хоть бы и за косой взгляд в сторону начальства, грозили отправить на передовую – Имперские законы о рекрутской повинности это позволяли: приемщикам в военное время разрешалось набирать рекрутов даже в обход установленных законом лимитов. Поначалу лишь сыпали пустыми угрозами, но вскоре первые провинившиеся работяги сменили станки на ружья. После того стали отправлять и за куда меньшие проступки навряде опоздания или пьянства.

Одним морозным утром в конец отчаявшиеся работяги объявили, что отказываются выходить на смену, выгнали самых нетерпимых в наказаниях старших и начальников на улицу и забаррикадировались в здании фабрики. Зачинщики выдвинули требования, и в тот же день получили ответ от владельца фабрики что ни на какие уступки тот идти не собирается и лучше бы им по-хорошему все прекратить иначе на фронт отправят всех без разбору. Еще через сутки владелец все же пошел на кое-какие смягчения – вероятно больших простоев не мог себе позволить. Но сократить смены всего на два часа, исключить телесные наказания, ввести жребий на отправку в рекруты, при том, что о повышении оплаты не было и речи, бунтовщиков не устроило.

Стачка продолжалась уже третьи сутки благо что провизией и водой бунтовщики запаслись заранее на неделю вперед. К тому времени все входы в здание перекрыли, выставили часовых, у главных ворот воздвигли баррикады по большей части из досок от забора что окружал фабрику и рулонов с сукном со склада. Вдоль баррикад, не замечая мороза и злой метели, выстраивалась молодежь, примкнувшая к бунтовщикам. На потеху любопытным зевакам что нескончаемым потоком колобродили неподалеку, те выкрикивали пламенные антивоенные речи; в руках при том держали наспех нарисованные транспаранты, на них со всем молодецким жаром и наивностью требовали немедленного упразднения насильственной повинности. Лиза меж тем сразу показала себя едва ли не как самая ярая из них, хрупкая, но смелая – ее сочли за простолюдинку, дочку какого-нибудь работяги, не вернувшегося живым с войны; валенки, мужской тулуп и простецкая шапка ловко утаили ее благородное прошлое. Ложкин, глядя как стремительно развиваются события помышлял о побеге, но никак не отваживался с ней о том заговорить.

Помимо зевак у фабрики чуть ли не круглые сутки дежурили городовые, но пока те оставались безучастными, надеялись, что как-нибудь само собой рассосется, да и лишний раз приближаться к разъяренным работягам никто не отваживался. Империя не могла позволить сеять панику в военное время и городские власти старались сразу подавлять даже самые мелкие проявления недовольства; меж тем Тайная канцелярия с первого дня наблюдала за стачкой, особенно за студентами, и вскоре в управу поступил приказ поскорей ее прекратить. В помощь на умирение бунтовщиков послали военных из дивизии что тогда проездом командировались в столице перед отправкой на Восточный фронт. Первым делом в надежде закончить все миром, к бунтовщикам отправили переговорщиков: пятерых солдат во главе с офицером. По ходу дела выяснилось, что на свободу уже никого не отпустят, особенно студентов за их неуместные

транспаранты: отправят на каторгу, либо на войну, где в любом случае их ждет только верная смерть; а на сопротивление силой у военных приказ стрелять на поражение, но если сдадутся прямо сейчас, то велика вероятность что к ним отнесутся более снисходительно, а каторга ждет только рьяных зачинщиков. Полилась ругань, завязалась потасовка. Офицер, размахивая пистолетом, приказал всем успокоится, но едва ли это подействовало; он уже было собирался спустить курок как его огрели по голове, он упал замертво. Солдаты не успели опомниться и поднять ружья, как бунтовщики толпой набросились на них и перебили. Так им перепало их оружие: пять ружей со штыками, столько же тесаков, офицерский пистолет и пороховые сумки.

В большинстве своем сдаваться бунтовщики не собирались, но кое-кто бежал сразу как утихла бойня – так военные узнали о провале переговоров. Нашлись и среди трусов те, кто остались, справедливо полагая что теперь их точно всех перестреляют, а так хоть время потянуть. Остались и Ложкин с Лизой; уже и не вспомнить что больше ими двигало: страх или та самая наивная надежда что всё это принесет хоть какую-то пользу, но и она растворилась быстро, уступив место уже только одному неистребимому страху за свою жизнь.

К военным тем временем подоспело солидное подкрепление, вокруг фабрики развернули оборону, но кидаться сломя голову на штурм они явно не собирались и сосредоточили основные силы неподалеку от баррикад у главного входа. Едва смеркалось военные открыли предупредительный огонь по окнам, в надежде посеять панику, выманить. Надежды выбраться живыми уже не оставалось, трофейного оружия хватило бы разве что напугать, потому бунтовщики пошли на отчаянный шаг: те, кто хоть немного умеет с обращаться ружьями, готовились занять свою оборону у окон на первом и вторых этажах, на тот момент, когда военные пойдут в атаку; остальные вооружились штыками, тесаками и всем чем попало под руку. Вскоре выстрелы прекратились, наступила долгая гнетущая тишина.

Как стемнело стрельба возобновилась с еще большей мощью, патронов военные не жалели. Они по-прежнему не рисковали, палили по окнам прямо из укрытий, не давали бунтовщикам даже высунуться, не то, чтобы отстреливаться. На мгновение снова стихло. Тишина казалась длилась вечно, хоть на деле и не больше минуты, раздался выстрел из пушки. Военные действовали, как и положено: грубо, дерзко, но эффективно – хлюпкие укрытия разлетелись в щепки. Пол под ногами, вздрогнул, уцелевшие окна повыбивало; среди бунтовщиков завязалась наконец выгодная военным паника, студенты во многом еще совсем дети, едва ли не рыдали, прятались по углам как перепуганные мыши. Снова оглушительный залп, теперь уже по главным воротам.

Ложкин в ужасе рухнул на землю, закрыв собой Лизу. Тут же раздался новый залп, макушку едва не снесло осколками кирпича; ядро, на счастье, угодило лишь в стену. Мгновение спустя бунтовщики побросали оружие, расталкивая друг друга устремились к раскуроченной дыре, что зияла теперь вместо ворот. По ним стреляли из ружей как по загнанному зверю на охоте, с азартом, аппетитом. Ложкин, уже с трудом соображая, схватил Лизу за руку и, пока дым от выстрела не рассеялся, ринулся наружу вместе со всеми. Пальба не прекращалась, кругом кровь, бездыханные тела, полыхающие ошметки баррикад, толкотня, крики и страх. Многие падали замертво, кому повезло пробежали чуть дальше, самые везучие добежали до роши на границе с фабрикой в надежде затеряться среди деревьев.

Удача оставила Ложкина почти сразу: он упал, попытался подняться, но жгучая боль в ноге не позволила. Приказал Лизе спастись без него, всучил штык что прихватил по пути, наказал ждать дома и на прощанье заверил что скоро придет, а ему нужно лишь чуть отдышаться; она молча кивнула и устремилась вперед. Смотрел ей вслед, и как только потерял из виду в темноте, пополз обратно.

Бунтовщики не оставляли попыток сбежать; не замечали его, то и дело норовились растоптать, пока он лавировал среди груд тел, порой встречаясь лицом к лицу с покойниками; а тела, меж тем, только и выручали: надежно принимали пули как мешки с песком. Наконец

прорвался внутрь фабрики, снова попытался подняться, но едва оперся на раненую ногу, тут же рухнул. Впереди лежал кто-то из рабочих, рука все еще сжимала ружье. Ложкин подполз к нему, выхватил ружье и приспособил заместо костыля. В темноте, едва разбавленной светом полыхающих баррикад с улицы, почти наощупь поковылял вдоль станков, в последней надежде отыскать укромный уголок пока солдаты не явились добить выживших. Уже каждый сам за себя они отчаянно искали спасения, прятались по углам, кому-то даже хватило смелости отстреливаться, кто-то попытался выскользнуть через запасные выходы, но и там их встречали пули.

Ложкин наткнулся на лестницу в подвал. Ступенька за ступенькой, держась за перила, осторожно спустился. Уже в кромешной тьме, блуждал по глухим лабиринтам пока не уперся в груды мягких тюков с сукном; преодолевая боль в ноге он запрыгнул на них и полез вперед пока не уткнулся в стену; улегся на пол меж длинных рулонов; укрылся несколькими слоями ткани как одеялом и крепко сжимая ружье в руке, притаился.

Скоро солдаты ворвались внутрь, загрела пальба, пока всё не окончательно стихло. В глухой тишине слышались шаги и голоса, показалось что совсем молодые едва ли не юношеские; через щель между его покрывалом и полом заметил, как совсем рядом пробежался свет от лампы; следом отчаянный крик, молящий о пощаде и выстрел; в нос ударил пороховой дым, в ушах засвистело. Палач, удовлетворившись одной жизнью, ушел.

Трясло от холода и страха. После мороза боль в ноге разошлась с куда большей силой, затопило, в голове помутнело... Очнувшись, ощупал ногу – пуля прошла на вылет, но от всякого движения все еще жгло как от прикосновения раскаленной кочергой. Оторвал кусок ткани, перевязал рану как смог, от боли не помогло, но может кровь остановило. С ужасом подумал, как его обнаружат по красным следам, но чуть полегчало от мысли что палач скорее всего и пришел сюда по ним, а наткнулся лишь на того беднягу. Порядочно выждал: час, может два; польстившись долгим затишьем, выбрался из-под одеяла, потянулся было к лестнице, но быстро поняв, что едва ли сможет бесшумно к ней подкрасться, вернулся в укрытие. Несколько раз спускались солдаты, унесли бедолагу что лежал где-то рядом, рыскали повсюду; но, как ни странно, никому больше не пришло в голову прятаться в подвале.

Усталость, потеря крови взяли свое – Ложкин уснул. Проснулся, вылез из укрытия; лестница уже тускло освещалась солнечным светом. Нога заметно оправилась, он уже мог ходить, хоть и через боль. Осторожно подкрался к лестнице, прислушался и не расслышав ни звука, осторожно выглянул на улицу, опасаясь патрулей и зевак. Мороз с метелью отступили, солнце светило так ярко что слепило глаза. За ночь навалило снегу, кровь присыпало, из сугробов торчали осколки кирпича и обугленные куски баррикад. Стало ясно зачем солдаты зачастили в подвал: спускались за тканью – укрыть трупы, и теперь куда ни посмотри, взгляд наткнулся на эти разноцветные покрывала. Ложкин убедил себя, что Лиза затерялась в темноте и пуля ее не достала, а значит ее среди них нет. Хотел было проверить на всякий случай, но так и не решился тревожить их покой; да и едва бы вышло, неподалеку дежурили городовые. Пока его не заметили ненароком, вернулся; рискнул выбраться через запасный выход. Насколько мог быстро, поковылял домой, предвкушая скорую встречу с Лизой. Перемещался переулками, часто останавливался передохнуть, а когда силы иссякли, рана ныла беспощадно, поймал экипаж и добрался до дома без помех.

На счастье, родители к тому времени уже уехали загород как они обычно делали в канун нового года, в доме хозяйничала экономка. Та заверила, что Лиза не появлялась. Оставалась надежда что она укрылась у кого-то из приятелей-студентов, мрачные мысли по-прежнему пытался отгонять. Убедил экономку никому не говорить о том, что он приходил, тем более в таком потрепанном виде; для того дал ей денег сколько нашлось дома. Та вероятно сразу догадалась в чем дело, помогла обработать рану и обещала молчать, а в случае чего скажет, что он тоже отбыл с родителями еще несколько дней назад. По ее словам, весть о «крова-

вой стачке» молнией пронеслась по столице, первые облавы вот-вот начнутся. Лишь теперь в голове явственно пронеслись вероятные последствия его участия в стачке, и больше всего боялся, что из-за его глупости пострадают родители.

Не дожидаясь гостей из Тайной канцелярии, ушел. Первым навестил приятеля, что не участвовал в стачке, но взгляды их разделял. Тот в состоянии близком к безумию спешно собирался покинуть город, полагая что ему не избежать участи остальных. Неизвестно сколько студентов спаслись, может перебили всех, может попрятались, но поговорить удалось только с одним: тем, кто вместе с Лизой вырвались к роще – тот укрывался в одном из притонов на окраине города. Тогда в роще вслед за ними ринулись в погоню; все разбежались кто куда, по ним стреляли без разбора, раненых добивали. Сам он засел в кустах и в лунном свете наблюдал как за ней погнались двое, но помочь уже ничем не мог. Один солдат остановился, выстрелил с колена – она упала, но поднялась насилу; солдат тут же ринулся к ней. Что было дальше уже не знал, его заметили, выстрелили, едва не угодив в голову, пришлось убежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.